

ЛИТЕРАТУРА

1. Народы Европейской части СССР. — М.: Наука, 1964, т. 2.
2. Анцитис К., Янсон А. Некоторые вопросы этнической истории древних селов. — СЭ, 1962, № 6.
3. Циммерманс С. Я., Моркунас В. И. Об историко-этнографических областях в Латвии и Литве во второй половине XIX в. — В кн.: Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980.
4. Būga K. Rinkiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1959, t. 2.
5. Būga K. Rinkiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961, t. 3.
6. Enzelīns J. Latviešu valodas gramatika. — Rīgā: Valsts. izd., 1951.
7. Karaliūnas S. Sėlių kalba. — Mokslas ir gyvenimas, 1972, Nr. 1.
8. Mažiulis V. Selonica. — Baltistica, 1981, 17(1).
9. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. — V.: Mokslas, 1981.
10. Брейдак А. Из истории балтийского вокализма. — Lingua Posnaniensis. Poznań, 1980, vol. 23.
11. Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. — V.: Mintis, 1966.
12. Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos tarmės. — K.: Šviesa, 1968.
13. Rudzīte M. Latviešu dialektologija. — Rīgā: Valsts. izd., 1964.
14. Рудзите М. К. Латышская диалектология. (Фонетика и морфология.): Автореф. докт. дис. — Рига: Латгосиздат, 1964 (на латышск. яз.).
15. Kolbuszewski S. F. Z badań nad językami bałtyckimi. O paru izofonach we wschodnich gwarach łotewskich i litewskich. — Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Sprawozdania, Nr. 92 za 1974 r. Wydział filologiczno-filozoficzny. Poznań, 1976.
16. Брейдак А. Б. О влиянии прибалтийско-финских языков на латгальский и селонский идиомы. — Baltistica, 1977, II priedas.
17. Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков. — В кн.: Основы финно-угорского языкознания (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). — М.: Наука, 1974.
18. Breidaks A. Über das ostseefinnische Sprachsubstrat in Ostlettland. — Baltistica, 1977, 13(1).
19. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
20. Nissilä V., Sarmela M., Sinisalo A. Ethnologisches Ortschafts- und Dorfregister des finnischen Sprachgebiets in Finnland, Karelien, Ingermanland, Norrbotten, Finmark und auf der Halbinsel Kola. — Helsinki, 1970.
21. Керт Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика, морфология, синтаксис. — Л.: Наука, 1971.
22. Kettunen L. Votjan kielen äännehistoria. — Helsinki, 1930.
23. Ariste P. Vajja keele grammatika. — Tartu, 1948.
24. Ariste P. A Grammar of the Votic Language. — Bloomington—The Hague, 1968.
25. Серебrenников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974.
26. Breidaks A. Baltijas somu na latgaļu-sėļu etnolingvistisko sakaru jautājumi. — LZAV, 1981, Nr. 8.
27. Ariste P. Gibt es ein votisches Sprachsubstrat im Ostlettischen? — Baltistica, 1978, 14(2).
28. Latvijas vēstures avoti. Senās Latvijas vēstures avoti, II sējums, I burtnīca (līdz 1237.g.). — Rīgā, 1937.
29. Turkopulis J. Latv. val. Preiļu pagastu izloksnes apraksta turpinājums. — FBR VIII (1928).
30. Zirnītis E. Lubāniešu izloksne. — FBR XVII(1937).
31. Kancāns V. Kaldabruniešu izloksne. — FBR XVII(1937).
32. Latkovskis L. Līvānu izloksne. — FBR XX(1940).
33. Moora H. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. — Rīgā, 1952.
34. Шноре Э., Циммерманс И. Поселение и могильник в Кивты (Восточная Латвия). — В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966.
35. Денисова Р. Прибалтийские финны на территории Латвии (I—II тысячелетия н. э.). — В кн.: Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига, 1970.
36. Denisova R. Sēlpils 13.—17. gs. kapulauka kranioloģiskais materiāls un tā nozīme austrumlatviešu etniskās vēstures izpratnē. — AE, 1973, X.
37. LAR. — Rīgā: Zinātne, 1974.
38. Būga K. Rinkiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1958, t. 1.
39. Endzelīns J. Ievads baltu filoloģijā. Rīgā: Universitātes grāmatu apgāds, 1945.

EINIGE PHONETISCHE ERSCHEINUNGEN DES SELISCHEN SPRACHSUBSTRATS IN NORDOSTLITAUEN

A. Breidaks

Zusammenfassung

Im vorliegenden Artikel werden einige phonetische Erscheinungen nordöstlicher Mundarten Litauens und Toponomastik dieser Region analysiert, was mit dem Einfluss vom selischen Sprachsubstrat zu klären ist, und nämlich: 1) Distribution der Vokale *o* (*o*): *a* abhängig von betonter oder unbetonter Position, z. B. *všsara* „Sommer“ in Mundart von Kupiškis und Anykščiai, vgl. *vosara*, *všsara* „Sommer“ in selischen Mundarten der lettischen Sprache; 2) positioneller Umlaut der Vokale *e* > *a* und *é* > *ā*. z. B. *madis* „Honig“, *tāvas* „Vater“ in Mundart von Kupiškis, vgl. *mads* „Honig“, *tāvs* „Vater“ in selischen Mundarten der lettischen Sprache; 3) Zischlaute *s*, z anstatt der erwarteten Zischlaute *š*, *ž*, z. B. in den Seennamen *Zālvās*, *Zārasas*, vgl. den Ortsnamen *Zalva* in Ostzemgale; 4) Affrikatization des palatalisierten Verschlusslautes *k'*, z. B. in den Seennamen *Cēdasas*, *Čiērijs* in Nordostlitauen, vgl. *kačis* „Katze“ <*kačis* dass. in Mundart von Zasa in Ostzemgale.

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ КОНТАКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМОВ

Е. М. Катанова (Минск)

Длительные балто-славянские этноязыковые контакты на территории нынешней Белоруссии привели к тому, что в этом регионе сформировался специфический пласт топонимии, что в нем кроме славянского слоя имеется довольно мощный слой балтийских топонимов. Многие балтийские географические названия в ходе освоения их славянами подверглись весьма специфической трансформации, затрудняющей их этимологизацию. И дело здесь не только и, может быть, не столько в фонетической трансформации, хотя, как известно, она тоже создает дополнительные трудности в интерпретации названий, разрушая единство его звучания и исконного значения. Такие разрушения могут быть устранены путем „реставрации“ звуковой оболочки, если исходить из соотношения фонетических систем контактировавших языков, после чего восстановление (обнаружение) содержания (значения) становится возможным. Применительно к балто-славянской ситуации здесь имеются в виду такие случаи, когда в ходе освоения балтийской топонимии то или иное название славянскому населению „ничего не говорило“ в том

смысле, что звуковая оболочка топонима не вызвала в сознании славян сколько-нибудь подходящих смысловых ассоциаций (исходя из лексической системы родного языка). Исконные значения таких названий не осваивались, с большей или меньшей точностью осваивались только их звуковые оболочки и их привязанность к конкретному географическому объекту. Эти топонимы на славянской почве подвергались лишь закономерной фонетической трансформации, а также аффиксальному расширению средствами славянского словообразования. В качестве примера можно привести несколько топонимов бассейна Зап. Двины, которые могут быть сопоставлены с литовскими гидронимами, почерпнутыми из этимологического словаря литовских гидронимов [1]. Ср.: *Койры* — *Kairiai, Kaiŭpis*, р. и уроч. *Карнаватка* — *Karnavė, Karņavas*; р. *Цяўша/Цивша/Чаушица/Чавша/Чавшинка* — *Tāiše, Taušėlė, Taušinė*; р. *Шэвінка/Шэвітка*, р. *Шевянка*, оз. и имен. *Шевино*, оз. *Шевино/Шевенд*, ф. *Шевеньков*, д. *Зашевень* — *Šaviėnė* и др.

Однако есть другой, более специфический и более разрушительный вид топонимической трансформации, причины которой в значительной мере обусловлены большой близостью балтийских и славянских языков. Суть этой трансформации в том, что в процессе освоения балтийского топонима его звуковая оболочка видоизменялась не только по фонетическим закономерностям, но и под воздействием того „прочтения” топонима, того наивного осмысления иноязычного слова, ведущего в конечном счете к переосмыслению его исконного значения, которое становится возможным в случае созвучия основы названия или всего топонима с каким-либо славянским апеллятивом. Часто это приводит к сознательному „наполнению” звуковой оболочки новым содержанием. В ходе такого освоения названия происходит его вторичная семантизация. Нередко этому сопутствуют переразложение основы, вторичная аффиксация, изменение отдельных звуков названия с целью „подгонки” звуковой оболочки к новому содержанию. При такой топонимической трансформации в одном топониме, в одной языковой оболочке заключено два, а то и больше значений, одно из которых — исконное (скрытое, утерянное), требующее расшифровки. Этот вид топонимической трансформации можно назвать семантической трансформацией.

Важным моментом в восприятии славянами балтийских названий было то, что ввиду характера балто-славянских контактов славяне осознавали, улавливали близость языка балтийского населения со своим родным языком, и это побуждало их при освоении балтийских географических названий искать в них совпадения даже тогда, когда совпадения не было, а это и приводило в конечном счете к переосмыслению названий. Случаи совпадения могут быть проиллюстрированы топонимами, обозначающими березу (как известно, эти родственные балтийские и славянские апеллятивы почти полностью созвучны). В результате в белорусской гидронимии в настоящее время есть названия, в которых или сохранилась балтийская форма гидронима (видимо, такие названия были и остались семантически вполне „понятными”

славянам и, может быть, именно поэтому почти не трансформировались даже фонетически: ср. западновинские гидронимические варианты *Бярэжа/Бярэза*), или в других случаях наряду с сохраненными балтийскими формами появились славянские варианты (ср. *Беразвэца/Бережица/Бярэзка*).

Итак, пути семантической трансформации многих территориально славянских названий объясняются стремлением славянского населения к тому, чтобы заимствованные ими названия, если так можно выразиться, заговорили на их родном языке — языке славян. Примеры такого преобразования топонимов в литературе уже упоминались, в том числе и автором этих строк. Здесь хочется проанализировать в связи со сказанным топоним *Полесье* (бел. *Палэссе*). Его объясняют географическим термином *полесье* 'лесистая местность, чередование лесов с небольшими безлесными участками', обычно противопоставляемым в устной речи термину *пашня* [2; 3]. Однако такое значение не очень согласуется с основным признаком данного географического объекта. Как известно, Полесье — обширная физико-географическая область; представляется возможным думать, что в ее названии должен был отразиться основной, можно сказать, вопиющий признак местности — крайняя заболоченность, заводненность. Если допустить, что признак заболоченности все-таки отражен в названии, то можно под иным углом зрения осмыслить структуру топонима *Полесье*, а именно: в качестве корня вычленив в нем *pal-*, сопоставив его с лит. *pālios* 'большое болото; торфяное болото, топь, трясина', лтш. *palus* 'болото' и др., а конец топонима интерпретировать как видоизмененный балтийский топонимический суффикс типа литовских *-es-*, *-esė-* или суффикс исходного апеллятива (ср. *pāl-ios*), ставшего топонимом.

На балтийских территориях топонимы с корнем *pal-* распространены очень широко. Среди них немало и таких форм, в которых корень *pal-* расширен суффиксом *-s* (*-es-*, *-is-*, *-ys*, *-us-* и др.). Ср. латышские гидронимы *Pālsa/Pālse, Pālsas, Pālsis* [4, л. 137]. При поисках сопоставительного материала для названия *Полесье* следует принимать во внимание широкую вариативность топонимического корня *pal-*, который, по наблюдениям В. Дамбе, может выступать в географических названиях также в форме *pel-, pil-, pl-* и др. [4, л. 125—150]. Названия с этим корнем привязаны к болотам или водным объектам (рекам, озерам, стоячим водам). В связи с этим большой интерес для этимологии названия *Полесье* представляет литовский гидроним *Pelesa* (в русской графике — *Пяляса*) [1].

О возможности принятия выдвинутой гипотезы говорят и топонимические факты территории самого Полесья: в этом регионе насчитывается очень много названий, в которых, как нам кажется, тоже отражен основной географический признак территории. Особенно показательно то, что в топонимии Полесья широко представлены названия, в которых так же, как и в названии *Полесье*, можно предполагать корень *pal-* и его фонетические варианты. Кстати, анализируемое название *Полесье* — не единственное в Белоруссии. Его носят

шесть белорусских сел (в Поставском р-не Витебской обл., Светлогорском и Чечерском р-нах Гомельской обл.). В указанных районах много и названий с корнем *pal-* в составе топонимов, о чем будет сказано ниже.

Наблюдается еще один довольно значительный пласт названий с „болотной” семантикой — это названия, которые содержат в себе параллельный корню *pal-* корень *bal-* и его фонетические варианты *bel-*, *bil-*, *bl-* и др. В названиях с таким корнем можно предполагать апеллятивы типа литовского *balà* ‘болото’ и под., а также однокоренные славянские апеллятивы сходной семантики. Относительно „болотной” семантики многочисленных белорусских топонимов типа *Белая*, *Белевица* и др. (на материале бас. Зап. Двины) нам уже приходилось писать [5, с. 81–84]. О многом говорит и то обстоятельство, что на Белорусском Полесье отмечено немало названий с корнем *bal-/bel-/bjal-*, которые относятся или непосредственно к месторождениям торфа, или к прилегающим к этим месторождениям населенным пунктам, а также заболоченным рекам и озерам. Ср. месторождения торфа *Белолесское*, *Остров-Белое*, *Бельки*, *Белая Кора*, а также расположенные у месторождений торфа села *Белевици*, *Белолесье*, *Белобержская Рудня*, месторождения торфа у озер *Бяле*, *Белое* и др. [6]. Думается, что факт наличия на Полесье топонимов с корнем *bal-* и его фонетическими вариантами также имеет силу если и не доказательства, то, по крайней мере, подтверждения гипотезы о „болотной” семантике названия *Полесье*.

Приведем факты, подтверждающие параллелизм в использовании корней типов *pal-* и *bal-* на территории Белоруссии. В плане этнической интерпретации многих названий данной группы еще очень много неясного и спорного в связи с наличием родственных географических терминов с корнями типов *pal-* и *bal-* как в балтийских, так и в славянских языках. Однако такие названия все-таки могут быть интерпретированы со стороны семантики, а именно это важно для обоснования возможной „болотной”, „водной” семантики в названии *Полесье*. Ср. варианты названий, демонстрирующие параллелизм в употреблении анализируемых корней: р. *Пальминка /Болецкая* в бас. Зап. Двины, р. *Плотница /Болотница* в бас. Припяти, а также такие факты, как соседство притоков Вилии *Пелла* и *Беловоротца* (Неман), существование таких названий, как с. *Пулавки* и оз. *Белое*, р. *Половица* и расположенные по ее течению населенные пункты *Балай/Беляй*, *Бельки* в бас. Зап. Двины, бол. *Палецкий Мох* и оз. *Белое* в бас. Днепра, р. *Полична* и р. *Белая/Бяла* (ее приток) в бас. Буга. На заболоченной западновинской реке *Полоте* расположены 4 деревни с названием *Беловодка*. Соседствуют в пределах одного сельсовета с. *Полесье* и с. *Белаявка* (Чечерский р-н), железнодорожная станция *Полово* и село *Бельки* (Поставский р-н), с. *Плянты* и с. *Баличи* (Шучинский р-н) [7]. Интересен и параллелизм в использовании суффиксов для расширения анализируемых корней. Ср. названия рек: *Половойка* и *Баловец* в бас. Вилии (Неман), *Болоновка* и *Полонка* в бас. Днепра, с. *Полоница* и сел. *Белица*, *Бель* в этом же бассейне, р. *Балазна* и

оз. *Полозно*, с. *Пользино* в бас. Зап. Двины. Ср. также названия, локализующиеся в разных бассейнах: оз. *Палик/Пелик* (Днепр) — и с. *Балики* (Зап. Двина), р. *Пеляша* (Днепр) — и с. *Беляшы* (Зап. Двина) и др. Очень показательны два названия сел в бас. Птичи (Припять) — *Балажевици* и *Положевици* (они достаточно удалены друг от друга). Все это сближает названия с анализируемыми корнями и дает основание привлекать топонимы с корнем *bal-* для решения затрагиваемых здесь семантических проблем этимологии названия *Полесье*.

Даже при беглом знакомстве с группами названий, локализующихся в разных районах Белоруссии, верховьях Днепра и Зап. Двины, заметна их поразительная близость. Обращают на себя внимание факты почти полного параллелизма в топонимии различных районов. Ср. топонимы *Блужа* (Днепр) — *Балажевици* (Припять); оз. *Пелик/Палик* (Днепр) — оз. *Пеликаны* (Зап. Двина); р. *Пальма* (Днепр) — р. *Пальминка/Болецкая* (Зап. Двина); оз. *Плоское* (Припять) — оз. *Пласке/Плоское* (Зап. Двина) — с. *Пласкиня*, с. *Плоское* (Днепр). Надо полагать, что это — результат общности этнических процессов, протекавших на указанных территориях.

Выше нами уже отмечалось, что при интерпретации ряда названий с анализируемыми корнями встречаются определенные трудности, однако они больше касаются этнических, нежели семантических проблем. Применительно к названиям с корнем *bal-* и его вариантами эти трудности обусловлены наличием наряду с балтийскими апеллятивами типа лит. *balà* родственных славянских терминов, таких как *болото*, рус., бел., укр., диалектн. *бель* ‘болото’, польск. *biel* ‘низкий заболоченный лес’, рус. диалектн. *биль* ‘моховое открытое болото’ [8; 9], рус. диалектн. *балда*, *балдовина*, *баловина* ‘заросшее озеро’, *балта* ‘нижняя часть речной поймы, обычно залитая водой и непересыхающая даже в межень’, *балонье* ‘низменное место, часто заливаемое водой’ и др. [4, л. 132].

Применительно к названиям с корнем *pal-* и его вариантами трудности связаны с наличием как балтийских апеллятивов типа лит. *pàlios*, так и славянских географических терминов типа *плёс*, *плёсо*, *плесо*, имеющих довольно широкий круг значений: ‘открытая, широкая часть течения реки’, ‘глубокое место в воде’, ‘озеро’, ‘болото’, ‘низкий заливной луг’, ‘залив, заводь’, ‘колена реки от одной луки до другой’ и др. [8; 10; 11; 12; 13]. Отдельные топонимы из числа названных выше с корнем *pl-* созвучны славянским терминам типа *плав*, *плавь*, *плавок* и подобн., которые имеют значение ‘заболоченный водоем’, ‘трясина’, ‘топь’, ‘водное пространство на болоте’, ‘зыбун’, ‘низменность, место, где река проходит через болото’, ‘плавучий остров из камыша и небольших растений’ и др. [10; 12; 13].

Вместе с тем давать славянскую языковую интерпретацию многим названиям без учета балтийских или предположительно балтийских топонимов этого региона было бы не совсем верно, поскольку в анализе могут вкратиться неточности.

Можно, к примеру, сопоставить изолированный гидроним *Белая* (река) со славянским „болотным” аппелятивом *бель*, но как тогда быть с вариантом этого гидронима *Бяла*? Он более созвучен балтийским аппелятивам типа лит. *balà*. То же можно сказать и о вариантах типа оз. *Белое/Бяле*: последний вариант явно не славянский. Можно было бы „прочитать” в названии оз. *Плоское* значение ‘расположенное на ровной, равнинной местности’, напр., на лугу, но как быть с его вариантом *Пласке*? Ср. также названия сел *Плоское* и *Пласкина* в бас. Днепра. Можно считать славянскими топонимы типа *Плесна*, *Плесовица*, опираясь на славянские аппелятивы типа *плéсо*, но как объяснить топонимические формы типа *Плисса*, *Плусы*, *Плюссы*, *Плыска*? Они слишком похожи, чтобы искать для них различное объяснение, но из славянского *плéсо*, *плéс* их выводить затруднительно. Может быть, в составе данных топонимов от исходного аппелятива — только корень *пл-*, а то, что так свободно варьируется, — просто разные суффиксальные распространители? В таком случае, может быть, именно эти и подобные названия из числа территориально славянских топонимов ближе всего форме *Полесье*, в которой корень представлен в полногласном варианте? Аналогичные соответствия полногласных и неполногласных корней можно наблюдать в названиях *Плав*, *Плавня*, *Плавное* — и *Половец*, *Половица*, *Половцы*, *Половья*; в названиях *Полога* — и *Плотичное*, *Платишно*, *Плотишно/Плотишко*; в формах *Блева/Блива*, *Блевчицы* — и *Белевица*; в сопоставлявшихся выше названиях *Блужа*, *Блажишки* — *Балажевичи*; в парах типа *Блошня* — *Белошицкая Слобода*; *Болишево*; *Блиновец* — *Болин* и многих других.

В ходе сбора и анализа названий с корнями *pal-* и *bal-* обнаружилось довольно много белорусско-польских изоглосс. Сходство многих польских названий с топонимами Белоруссии, Верхнего Поднепровья и Подвинья почти полное. Особое внимание привлекают польские топонимические формы *Пелешма* и *Плешев*, которые созвучны верхнеднепровскому гидрониму *Поляша* и рекам бассейна Припяти: *Польшня/Полична*, *Пляшовка/Пляшевка/Пляшувка/Плашувка/Плешовка*. К этим названиям с полным основанием можно прибавить еще литовский гидроним *Pelyšà* [1].

Если учесть отмечавшееся выше сходство физико-географических особенностей территорий, прилегающих к балтийскому побережью, наличие общих белорусско-польских (в том числе полесско-польских) топонимических изоглосс и некоторые другие научные факты, то можно допустить, что территориально белорусские названия типа полесского *Польшня* и территориально польские типа *Пелешма*, *Плешев*, так же, как и само название *Поляша*, можно интерпретировать в том же семантико-этимологическом ключе, в котором толкуется название *Полесье* в данной работе.

Анализ представленного в данной работе материала позволяет допускать мысль о том, что аппелятивы с корнями *pal-* и *bal-* присутствуют и в таких топонимах и этнонимах, как *балты*, *Балтика*, *Прибалтика*, *белорусы*, *Белоруссия* (см. многочисленные названия типа

Белая, *Белое*, *Бельчанка* в Белоруссии). Аналогичную семантику можно продемонстрировать в названии одного из древних славянских племен — *дреговичи* (ср. рус. диалектн. *дрягва*, бел. *дрыгва* ‘трясина’).

Если вернуться к предположению о связи названия *Поляша* с корнем *pal-* ‘болото’, то представляет интерес литовское наименование поляков — *lėnkaĩ* (ср. лит. *lėnkė* ‘дол, долина, лощина’, *lėnkuė* ‘то же’, *lanka* ‘заливной луг’). Выходит, что и данный этноним отражает не столько „полевую”, сколько „болотную” экстралингвистическую ситуацию, предшествовавшую наименованию. Для названия *Поляша* (поляки) ср. не распространенные суффиксами топонимические параллели типа приводившихся выше названий *Пола* (Зап. Двина), *Поля* (Днепр), а также территориально польские топонимы *Ополе*, *Пула* и др.

Высказанные гипотезы, конечно, требуют дополнительной проверки, но вопрос, как нам кажется, стоит того, чтобы им заниматься более детально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. — V.: Mokslas, 1981.
2. Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. — Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1974.
3. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. — М.: Мысль, 1966.
4. Dambē V. Saknes bal(ļ)-, pal(ļ)- (skaņu mijā) ar slapias vietas pozīmi vietvārdos. — Vēstījums akadēmiskim Jānim Endzelīnam. Rīgā, 1972.
5. Катонова Е. М. Некоторые балтийские гидронимы бассейна Западной Двины на территории Белоруссии. — Изв. АН ЛатвССР, 1973, № 4.
6. Стецко В. В. География полезных ископаемых Белорусского Полесья: Канд. дис. Приложение. — Минск, 1970.
7. Белорусская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1968 г. 4-е изд. — Минск: Беларусь, 1968.
8. Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1953–1958, Bd. 1–3.
9. Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г. Словарь местных географических терминов. — М.: Географгиз, 1959.
10. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. — М.: Наука, 1969.
11. Куркина Л. В. Названия болот в славянских языках. — В кн.: Этимология. М., 1967.
12. Мокшенок В. М. Ареальный анализ местной географической терминологии и его интерпретация. — Сов. славяноведение, 1969, № 5.
13. Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. — Мінск: Навука і тэхніка, 1971.

BALTO-SLAWISCHE KONTAKTE UND PROBLEME DER ETYMOLOGIE DER HYDRONYME

E. Katonowa

Zusammenfassung

In diesem Artikel wird die Hypothese der Entstehung des Namens Полесье unter Berücksichtigung der Modifizierung der baltischen geographischen Namen aufgrund der slawischen Sprachen aufgestellt. In diesem Namen wird die Wurzel *pal-* vorausgesetzt,

die man mit den baltischen Appellativen vom Typ lit. *pālis* „ein grosses Moor“, „Torfmoor“, „Morast“, „Sumpf“, latein *palus* „Moor“, vergleichen kann. Die Hypothese beruht auf Tatsachen, die davon zeugen, dass das Territorium von Polesje sehr versumpft war, und dass es auf dem Boden Belorusslands, darunter im Gebiet von Polesje, viele geographische Namen gibt, die die Wurzel *pal-*, auch die ihr gleichlautende Wurzel *bal-* (vgl. lit. *balà* „Moor“) und ihre phonetischen Varianten *pe-*, *pi-*, *pl-*, *be-*, *bi-*, *bl-* enthalten. Vgl. Полесье und das litauische Hydronym *Pelesà*.

Im Artikel werden viele belorussisch-polnische Ortsnamensoglosse erwähnt, darunter die Namen von Polesje Польша/Полична, Пляшовка/Пляшевка/Пляшувка/Пляшувка/Плешовка, die Namen von Oberlauf des Flusses Днепр Поляша und polnischen Пелешма, Плешев. Auf diesem Grund und unter Berücksichtigung anderer Tatsachen wird die Vermutung aufgestellt, dass man die Benennung Польша so auch wie den Namen Полесье in semantisch-etymologischem Sinne dieser Arbeit erklären kann. Vgl. die Benennung Польша und das litauische Hydronym *Pelyšà*.

Die Analyse der weitverbreiteten Toponyme mit Wurzeln *pal-*, *bal-* und ihre phonetischen Varianten auf den baltischen und slawischen Territorien und das Vorhandensein der slawischen Appellative vom Typ *бель* „Moor“, die in der Toponymie Belorusslands gezeichnet sind, lässt den Gedanken zu, dass es diese Wurzeln mit gemeinsamer Bedeutung „Moor“, „Wasser“ auch in solchen Toponymen und Ethnonymen wie балты, Балтика, Прибалтика, белорусы, Белоруссия (hier gibt es viele Benennungen von Тур Бела, Белое, Бельчанка), und auch in solchen Namen wie Полесье und Польша enthalten sind.

„ЛИТВА МИНДОВГА”

Э. Гудавичюс (Вильнюс)

1. Гипотеза Г. Ловмянского. Объем доклада позволяет ограничиться только „главной линией” обширной историографии вопроса, выразительно заключенной в формуле В. Пашуто [1, с. 6, 397, 398], которая избрана в качестве названия настоящего доклада. В академическом издании истории Литовской ССР [2, р. 64–65] при характеристике балтских земель берется за основу гипотеза Г. Ловмянского относительно территории „земли Литовской” в узком смысле слова (в пределах которой находилось и княжество Миндовга) — этот исследователь ограничивал ее междуречьем Няриса и среднего течения Немана [3, S. 106–112]. Возникает вопрос: нельзя ли дополнительно обосновать некоторые гипотетические положения концепции Г. Ловмянского, превратив ее из гипотезы в систему неоспоримых фактов, или хотя бы приблизить ее к этому, а тем самым и более надежно локализовать „Литву Миндовга”?

2. Земля Нальши по Г. Ловмянскому. Если исключить из указанной территории земли селов, Упите, Делтувы, расположение которых в общем выяснено [3, с. 67–68, 106, 111–112], для земель Литовской и Нальшянской остаются пространства южно-центральной, южной и восточной Литвы. При отождествлении Нальши с территорией, которая ныне входит в состав Игналинского и Швенчёнского р-нов (в ЛитССР), а также Поставского и Ошмянского (в БССР), Г. Ловмянский опирался главным образом на три факта: 1) в походе против Миндовга ливонские крестоносцы шли „через Нальшу в Литву”; 2) перебежчик из Нальши Суксе в 1268 г. получает на свои земли инвестиру Рижского архиепископа (делается вывод, что Нальши соприкасалась с Ливонией или по крайней мере находилась недалеко от нее); 3) Нальши попала под удар Бурундая (делается вывод, что она находилась где-то на востоке Литвы) [3, с. 107–108].

Приходится выдвинуть ряд контрольных вопросов:

1) Доказуемо ли, что, направляясь „через Нальшу в Литву”, крестоносцы обязательно шли через Швенчёнис в Тракай или Аукштаварис? Не могли ли они через Аникщяй или Шету идти на те же Тракай, а может быть, и на Даугай и т. д.? Ведь Г. Пашкевич даже „установил”, что они шли по долине р. Швянтойи в район Кернаве, а территорию Нальши „ограничил” нынешними Зарасайским и Игналинским р-нами [4, с. 83–87].